ГЕОРГИЙ
ШЕНГЕЛИ

БРОНЕНОСЕЦ ПОТЕМКИН

ДРАМАТИЧЕСКАЯ
ПОЭМА

ИЗДАТЕЛЬСТВО
КРАСНАЯ НОВЬ
ПРИ ГЛАВПОЛИТПРОСВЕТЕ
1923

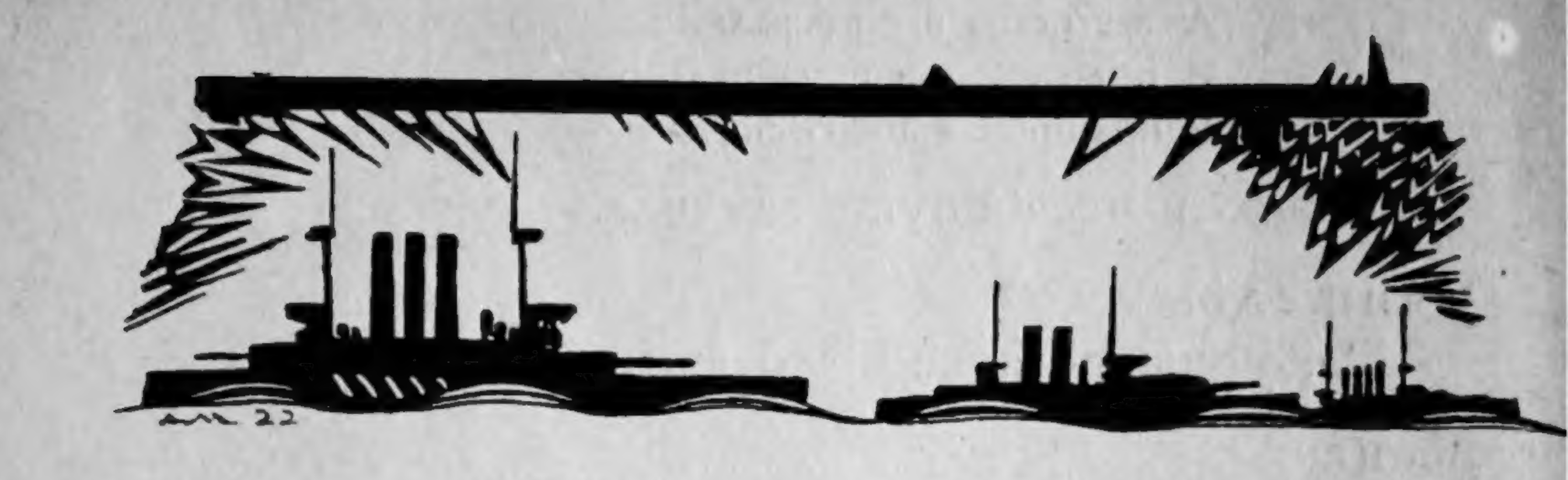
ГЕОРГИЙ ШЕНГЕЛИ

БРОНЕНОСЕЦ „ПОТЕМКИН"

ДРАМАТИЧЕСКАЯ ПОЭМА

ИЗДАТЕЛЬСТВО
„КРАСНАЯ НОВЬ"
ПРИ
ГЛАВПОЛИТПРОСВЕТЕ
1923

Главлит. Москва. № 4303. 10.000 экз.
„Мосполиграф", 16-я типография, Трехпрудный, 9.

СЦЕНА ПЕРВАЯ.

Исторический бульвар в Севастополе. Май 1905 г.

Приезжий учитель с женой.

Учитель:

Давай, Надюша, сядем здесь, под грибом.
Смотри: вон море видно, броненосцы.

Жена:

Где, где они?

Учитель:

Вон: черные, большие.
А погляди: там памятник стоит,
Нахимову, должно быть.

(Смотрит в путеводитель).

Нет: Тотлебен,
Начальник инженеров. Детка, знаешь,
Тогда здесь был четвертый бастион.

Жена (декламирует):

Двенадцать раз луна менялась,
Луна всходила в небесах,

А все осада продолжалась,
И поле смерти расширялось
В облитых кровию стенах.

Я это в институте заучила.

Учитель:
Да, удивительное было время.

Жена:
Ты хорошо, Володичка, придумал,
Что на лето привез меня сюда:
Я так люблю военные победы
И героизм. А ты?

Учитель:
Люблю. Надюша,
Ты прочитай у графа Льва Толстого
Про Севастопольскую оборону.

Жена:
Володя! Посмотри: идут, идут.

Учитель:
Кто?

Жена:
Да они: матросики. Вот прелесть!
Какие бравые!

(Входят матросы: Листон и Черных.)

Листон:
Оставь, Черных,
Не задирай.

Черных:
Ух,—видеть не могу.

Сюсюкает: «матросики идут».
Мразь кружевная!

(Подходит к сидящим).

Что же, господа,
Довольно вам сидеть: бульвар матросский.

Учитель:

Как так матросский?

Черных:

Очень даже просто.
Для чистой публики и офицеров
Другой бульвар разбили; нас туда
Не допускают; ну так не смолите
Нам здесь глаза. Идите: мы тут сядем.

Учитель:

Вы так не смеете.

Черных:

Ступай, ступай!
Не больно тут болтай.

Учитель:

Я позову
Полицию.

Черных:

Полицию? А в зубы?

Жена:

Володичка, Володичка, уйдем!
Скорей уйдем, родной!

Учитель:

Чорт знает что!

Теперь я понимаю, почему
Колотят нас японцы, понимаю!

(Уходят).

Пистон:
Он понимает... Вот его б на фронт,
Его бы рожею слюнявой плюнуть
На адмирала Того,—было б дело.

Черных:
Садись, Пистон. Что,—славно я его?
Теперь, должно быть, подколенки ноют...
Ну и люблю же ковырнуть господ.

(Входит матрос Ключ).

Ключ, ты куда?

Ключ:
Гуляем.

Черных:
Посиди.
Чем это от тебя несет?

Ключ:
Духи.
«Сирень любви».

Пистон:
У мичмана стащил?

Ключ:
И сами купим.

Пистон:
Молодец. Как барин.

Ключ:

Сейчас одна тут барышня прошла
С учителем под ручку. Вот кто пахнет.

Черных:

Ну что ж, и пища ведь у них другая.

Ключ:

Дурак!

Черных:

Хо-хо! Она от страха пахнет.
Я их пугнул отсюда по-матросски.

Ключ:

Невежество.

Черных:

Что ты сказал?

Ключ:

Отстань.

Черных:

Эх ты... официант... Еще матрос.
Подхвостник бабий.

Ключ:

Что ж,—босячить надо?
Ты, видно, брат Черных, воспитан грубо;
С людьми ты должен нежно говорить.

Пистон:

Так то с людьми. А это господа.

Ключ:

Не люди?

Пистон:

Нет У них, браток, душа
В прошлом году в воротничок впотела.

Ключ:

Ты скажешь... Эх, пойти от вас.

Черных:

Поди.

Пистон:

Купи воротничок. Душа то, видно,
И у тебя идет лакейским потом.

Ключ:

Пошел к чертям.

(Уходит).

Пистон (вслед):

Ку-пи во-рот-ни-чок.

Черных:

Вот сволочь. И таких ведь много. Эх!
Когда же мы крест на крест их посвяжем
С офицерьем—и в воду?

Пистон:

Ох, не скоро.

Черных:

А поскорей бы. Нас ведь тоже много.
Пора уже. Сил нет терпеть.

(Входит лейтенант Иванов).

Иванов:

Эй, вы!
Честь почему не отдаете?

Пистон:

Так что
Мы не заметили.

Иванов:

На девок смотришь?
Здорово!

Пистон и Черных:

Здравия желаю.

Иванов:

Что же
Так тихо? Видно, вышептали голос
С горняшками? Здорово!

Пистон и Черных:

Здравия желаю.

Иванов:

Громче, громче, громче. Ну:
Здорово!

Пистон и Черных:

Здравия желаю.

Иванов:

Так.
Вот это так. А покажите ленты.

(Матросы снимают фуражки).

Твоя в порядке. А твоя... Пустил!
На два аршина! Задницу щекочешь?
Устав забыл? Животное! Ты кто?

Черных:

С «Потемкина», второй статьи, Черных.

Иванов:

Доложишь ротному, чтоб под ружье
Тебя поставил. Ну а лента,—вот.

(Обрывает ленту).

Ступайте прочь.

(Матросы уходят).

Подтягивать вас надо.
Наташкин хахаль. Я тебя скручу,
Дай в плаванье уйти!

(Уходит. Проходят два отставных адмирала).

Первый:

Вот молодец.
Вот это офицер, я понимаю.
Поддерживает дисциплину. Ужас
Как издерзился нынешний матрос,
Как обнаглел! Цусимцы! Там, в бою,
У них на бунт лишь храбрости хватило...
Да, встал бы из могилы Николай
Степанович Нахимов, поглядел бы!
Какой теперь матрос? На вахте спит,
Нет выправки, вахлак, потеет. Разве
Матросы при Нахимове потели?

Второй:

Я думаю—потели.

Первый:

Вздор с. Эх, флот!
Куда идем мы? Нет руки железной.

(Уходят. Входят матросы: Шульга и Лебедев).

Лебедев:

Ну, видел?

Шульга:

Видел. Ладно: хуже—лучше.
Накалу больше.

(Входит Черных).

Что, брат, получил?

Черных:

Я у него Наташку отпаял,
Наташку, прачку. Он и взбеленился
Проходу не дает. Ну я ж ему!
Ну я ж ему! Дай только время. Ух!

Лебедев:

Время придет. Готовиться нам надо.

Черных:

Готовиться? За горло да за борт.

Шульга:

Вздор говоришь. Сейчас я деда встретил.
Рассказывал, что был у них такой.
Зверь. Сколько запорол! Когда французы
Малахов брали, бросили матросы
Жеребий, — деду выпал. Ну, нашли
Потом того: лежит: а рана в спину.
Да толку что? Еще полсотни лет
Стонал матрос и стонет... Надо вместе,
Во всех портах, на кораблях на всех,
В один и тот же день, подняться дружно,
Да в корень, в корень! Вот тогда—победа,
Тогда вздохнем.

Черных:

Да, собери весь флот.

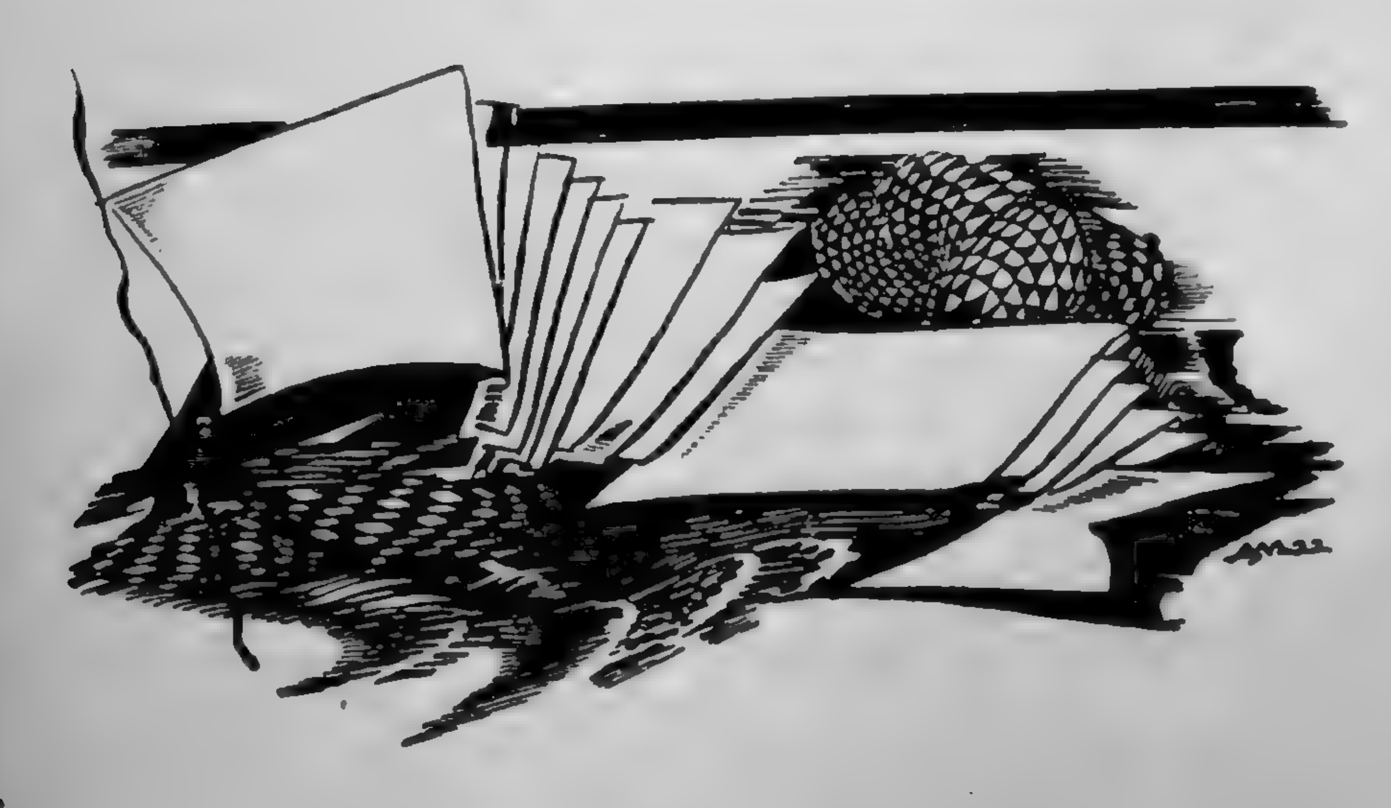
Шульга:
И соберем. Ведь все кипит, клокочет
С Цусимой да с девятым января.

Лебедев:
Не из-за девок ведь одних с начальством
Грыземся; потяжеле есть дела.

Шульга:
Ты завтра, если хочешь, приходи
На Корабельную, к фонтану. Там
Увидишь кой-кого. Поговорим.
Ты парень твердый. Так придешь?

Черных:
Приду.
А только мне отдайте Иванова,
Когда расправа будет.

Шульга:
Там увидим.
Ну, яростный же ты.

СЦЕНА ВТОРАЯ.

Стоянка на Тендре.

Ночь.

Верхняя палуба броненосца.

Три матроса.

Первый:

Рубаху снял, и то не помогает.
Ну ветер! Точно через печь пропущен.

Второй:

А в кочегарке?

Первый:

И не говори.
Страдание! И для чего все это?

Третий:

Без флота как же? Ну, а если флот,—
Приходится терпеть.

Первый:

Зачем тебе
В твоей Рязани флот?

Третий:

А неприятель?

Первый:

Какой такой? Твой неприятель, брат,—
Бабуся, что ругается, да свиньи
Соседские, что в огород залезли,
Да становой. Так ты их флотом? А?

Третий:

А ты японцев с кашей проглотил?

Первый:

Ну, а тебя японец трогал?

Третий:

Трогал.
Он веру и отечество затронул.

Первый:

В Манчжурии то? Экий ты дурак.

Третий:

Царя у нас микадо их обидел.

Первый:

Их дело, царское. А мы войой?
Поссорились, ну и сошлись бы оба
На кулачки, а мы бы поглядели.

Третий:

Ты, погляжу я, ровно как изменник.

Первый:

Изменник... Остолоп! Пришло бы время,
Как нашею была б земля,—небось:
И в кочегарке жарились бы все,
И мерзли бы в окопах,—за свободу
Народную; себя не пожалели б!

Второй:

И верно, братцы: на своем дворе
Кто не работник?

Первый:

Если за царя
Артур мы подпирали, да в Цусиме
Купались... Что, уходишь?

Третий:

Ухожу.
За этакие, брат, слова твои
Еще в клоповник попадешь с тобою.

Первый:

Иди, иди. Да, слышь, не попроси,
Чтобы тебе шестидюймовку дали
Меня обстреливать: ведь я твой враг.

(Третий уходит).

Второй:

А что у нас слыхать?

Первый:

Да чем то пахнет.
Собрания идут,—клочками. Бродит,
Кипит весь флот. У нас вот Матюшенко
Все шепчется с Шульгою да с Зозулей,
По всем отсекам ходят. Что то будет.

Второй:

А что? Мятеж?

Первый:

Пожалуй, не дойдет.
А будем требовать, чтоб сократили
Срок службы, да получше бы кормили,
Да вежливость, да отпуска.

Второй:

Немного.
А мир? А землю? А свободу?

Первый:

Будет.
И это будет. Дай лишь раскачать
Матросиков, да припугнуть начальство,—
А там пойдет. Постой! Ну, так и есть:
Лягавый зашагал. Ишь: в мягких туфлях.

(Оба укладываются на свои подстилки, притворяясь спящими. Входит командир броненосца; с другой стороны—старший офицер. Сходятся).

Командир:

Вы знаете, что показалось мне?
Иду и слышу разговор негромкий:
Беседуют матросы. Подхожу,—
Спят. Что бы это значило? Ослышка?
Но ясно слышал.

Ст. офицер:

Скверный, скверный знак.
Как видно, разговорец был секретный.
Нехорошо теперь во флоте стало.
Вот—что то носится, вот—вьется что то.
Матросов не узнать.

Командир:

Я то же думал.
У всех глаза совсем другие стали,—
Никеллированные... Раньше было:
Глядишь в глаза матросу,—он робеет;
Насквозь его пройдешь, все вины видишь.
Ну а теперь и не заглянешь внутрь:
Глаза как зеркала: совсем пустые;
Только себя и видишь в них,—а я
Себя вот видеть вовсе не желаю:
Я некрасив... Вы замечали что?

Ст. офицер:

Так—ничего. Неуловимо все.

Командир:

Глядите зорко. Пресекайте в корне,
Немедля. И, пожалуйста, внушите
Всем офицерам, чтобы и они
Настороже держались.—Эй, на вахте.
Мичман, ко мне.

(Подбегает мичман Григорьев).

Я буду вас просить
Там, где матросы спят, гулять почаще.
Вы понимаете? И тем, кто вас
Придет сменить, вы то же предложите.

Григорьев:

Есть.

Командир:

Вы же, Николай Петрович, завтра
Отдайте нужные распоряженья.

(Уходят).

Григорьев:

Покойнику горчишники! Да что же?
Я стану за матросами в гальюн
Заглядывать?

Голос (с моря):

«Потемкин», эй, «Потемкин»!

Сигнальщик (с мостика):

Есть. Кто гребет?

Голос:

Свои. Спустите трап.

Григорьев:

Эй, фалрепные К трапу. Торопись.

(Свистки, слова команды; матросы спускают трап. Входят: лейтенант Иванов и лейтенант Семенов; за ними матросы втаскивают тюки и кульки).

Иванов:

Ну, что у вас?

Григорьев:

Все так же: скучно, жарко.
А вы, небось, в Одессе покутили?

Иванов:

Немного было.

Григорьев:

Что нам привезли?

Иванов:

Шесть дюжин бессарабского, да раков,
Да пикулей. Да кур десятка два.

Григорьев:

Эге! Живем.

Иванов:

Эй, баталер, сюда.

(Подходит баталер).

Там мяса для котла четыре туши.
Так ты его вели обмыть рассолом
И на крюках развесь часа на два,
Чтоб ветром пообдуло. Понял?

Баталер:

Есть.

(Уходит).

Григорьев:

Задумалась говядина немного?

Иванов:

Попахивает малость. А,– съедят!

Голос:

Съедим!

Иванов:

Ого! Кто говорит? А ну ка:

Подходит к лежащим матросам).

Эй вы, вставайте, нечего ломаться.
Кто говорил?

Первый:

У нас не говорили.

Иванов:

Не ври.

Первый:

Мы спали все.

(Иванов подходит к другой группе).

Иванов:

Кто гавкал здесь?

Голос:

Собаки гавкают.

Иванов:

Ключ, кто сказал?

Ключ:

Не могу знать.

Иванов:

А хочешь в кандалы?
Ну! говори!

Ключ:

Не могу знать.

Иванов:

Мерзавец!

(Бьет его).

Ключ:

Ой!

Голоса:

Драться, не дозволено!
Полегче!
Здесь не участок!
Не тюрьма!

Иванов:

Молчать!
Открытый бунт! Всех закую! Эй, мичман.
Приказываю вам, как старший в чине,
Переписать всю эту дрянь и завтра
Все командиру доложить.

Григорьев:

Оставьте.

Иванов:

Не забываетесь, мичман: вы на службе.
Я не прошу у вас советов. Я—
Приказываю вам.

Григорьев:

Есть.

Иванов:

Негодяй!

(Уходит).

Голоса:

Разбой!
Насильничанье!
Не смолчим!
Ключ, заяви претензию.

Григорьев:

Ребята,
Потише. Ну, кто тут? Ты, ты, -ну, все...
Не петушитесь, обойдется дело.
Идите спать.

(Матросы уходят с ропотом).

Всегда он, Иванов.
Закусит удила и ну валять.

(Подходит к Семенову).

Что, лейтенант, задумались?

Семенов:

Так... скверно.

Григорьев:

Перекутили?

Семенов:

Нет, совсем не то.
И эта сцена мерзкая, и все...

Григорьев:

Что все? Не понимаю я.

Семенов:

Да разве
Не чуете вы, что кругом нас кровь?
Там, на Востоке, этот желтый бред:
Артур, Мукден, Цусима. В Петербурге
Предательства, расстрелы.—А в России
Пустоты, станции, сараи эти,
Все красные, и красные вагоны
С их путаницей, с их тоской и лязгом.
Бред! Знаете вы, как в бреду порой
Вам кажется, что проволоку тянут:
Она звенит и льется,—бесконечно,
Сквозь красные охлопья жара. Вот:
И здесь все то же. В глубине России
Овраги разъедают чернозем
Как бы волчанка, и мелеют реки,
И мутные их воды к нам несут
Тот хлеб, что не родился. В мутных устьях
Восходят мели, косы, островки.
Гниет трава, и воздух полон пара,
И солнце рдеет, налитое кровью,
И зори, и закаты багровеют
В сырцовых, в тяжких, в красных облаках.
Какой то кровяной колтун,—не мир...
И мы стоим в нем черным утюгом.

К нам Днепр течет и опресняет море,
На нас пески тяжелым жаром пышут,
К нам водоросли подплывают, птицы
Болотные кричат нам. Вы поймите:
Кровь, голод, смерть, безумие, страданье,—
По тысячам речонок вьются в Днепр,
Восходят зноем, гнилью, душным ветром,
Кровавыми закатами, звездою,
Что красным зубом землю бороздит...
А в середине—мы, железным гробом.
Не бред, не ужас? И гремит как бубен
Предчувствие!

Григорьев:
Предчувствие чего?

Семенов:
Того, что здесь должно свершиться нечто.

СЦЕНА ТРЕТЬЯ

Кочегарка

Матюшенко и Вакуленчук

Вакуленчук:
Дождались, вот.

Матюшенко:
Чего дождались то?

Вакуленчук:
Кипит команда.

Матюшенко:
От гнилого мяса?
От зуботычины Ключу? Ну, знаешь:
От этого кипенья толку мало.
Дадут им кашу пожирнее, станут
Не как собаку величать,—и сразу

Весь пар мятежный выпустят. Да разве
Такою революция бывает?

Вакуленчук:
Ты сам ведь говорил, что мятежи
Из брюха да из синяка растут.

Матюшенко:
Расти—растут, а поливает их
Сознательность. А без поливки, знаешь,
Хоть вырастет,—засохнет. Разве мы
За кашу бой ведем? Да, может, нам
От революции то хуже станет
Лет на десять, а то на пятьдесят.
За будущее боремся, за счастье
Всех, кто родится после нас... А тут:
Гнилым борщем наш полнокровен гнев!
Корабль восстанья по борщу плывет!

Вакуленчук:
Да что ты зарядил?

Матюшенко:
Вакуленчук,
Товарищ милый! Где же все они,—
Герои? Никого не вижу.

Вакуленчук:
Будут.
Дай развернуться. Дай пролиться крови.
Она, брат, все спаяет, все взрастит.

Матюшенко:
Пролиться крови! Кто ее прольет?
Кто пулям грудь подставит?

Вакуленчук:

Я да ты.

Матюшенко:

Не очень много.

Вакуленчук:

Ничего, довольно.
У нас ведь не война: у нас восстанье.
Из каждого убитого десяток
Бойцов выходит. Не тотчас, так после:
Через неделю, через десять лет.
Гроба погибших—революций банк.

Матюшенко:

Чудной ты, право...

Вакуленчук:

Слушай: хорошо бы—
Я часто думал—где-нибудь собрать
Десяток тысяч мальчиков,—и всех
Воспитывать как революционеров.
Из года в год внушать им нашу правду,
Их закалить,—чтоб вышли янычары,
Гвардейцы революции. А после
Корабль сильнейший снарядить и двинуть
Во все порты, на горе всем тиранам,—
Всех угнетенных, всех, кому нет места
В своей стране, кого, как зверя травят,
Всех брать на борт!

Матюшенко:

Ковчег?

Вакуленчук:

А что ж,—ковчег.
Которому повсюду Арараты...
Вот ты смеешься...

Матюшенко:

Не смеюсь я, милый.
Я понимаю. Только далеко...
У нас дела поближе да попроще.
Что будем делать?

Вакуленчук:

Выстроим команду,
Да командира перед фронт попросим,
Претензию заявим.

Матюшенко:

Ну, а если
Он гаркнет, как умеет? Что тогда?
Хвост подожмет команда?

Вакуленчук:

Что тогда?
Тогда уж я пред командира выйду,
А там посмотрим.

(Входят: Шульга, Лебедев, Брызгалов, Зозуля, Черных, Щопа и др.)

Лебедев:

Матюшенко здесь?

Матюшенко:

Я здесь.

Лебедев:

Куда же ты пропал? Ведь скоро

Обедать просвистят, а мы еще
И не решили ничего.

Матюшенко:
Что доктор?

Шульга:
Что доктор? Доктор говорит: «годится,
Есть можно».

Матюшенко:
Так.

Брызгалов:
Что ж? Борщ катнуть за борт?

Зозуля:
А что с ним церемониться? Конечно.

Щопа:
Катнуть недолго. Только как же сделать?
Котел перевернем,—так всех, кто этим
Займется,—в трюм упрячут, в кандалы.
А если вся команда котелки
Отдельные для рыбы опростает,—
Тогда начнут зачинщиков искать:
Такой разбор пойдет.

Шульга:
Пожалуй, верно
Впустую оборвется случай.

Зозуля:
Что же?
Оставить так? Тухлятину глотать?
Так тоже случай то упустим.

Щопа:

Лучше
Уж случай потерять.

Брызгалов:

Да? Эх ты... Щопа.

Матюшенко:

Молчи, Брызгалов, свар не заводи.

Черных:

Ну а по моему так надо просто.
На что идем? На бунт. Так лучше разом,
Не нежничать, не жаться. Взять его,
Зверюку злого, Иванова,—и:
В котел с борщем, а после, чтоб отмылся,—
За борт!

Зозуля:

Вот это здорово, ей богу!

Шульга:

Вы что? Рехнулись оба? Ведь команда
У нас балласт. Ведь чтоб ее нагреть,
Чтоб за собою повести,—нам надо
Ей в зад воткнуть насильство офицеров.
А если мы снасильничаем, то
Ее не раскачать еще полгода,
И только даром под расстрел пойдем.

Щопа:

Известно, так.

Зозуля:

А что же мы решим?
Ну, Матюшенко, говори: ты главный.

Матюшенко:

Не главный я, и зубы ты не скаль.
А сделать надо вот что: как просвищут
К обеду,—вся команда чинно выйдет,
Построится урядливо во фронт,
И вахтенному боцмана доложат,
Что с командиром говорить желает
Весь экипаж. Придет он, командир;
Я доложу, что борщ наш не годится.
И пробу поднесем. Уступит,—ладно:
Хоть пищи правильной добьемся. Если ж
Насильничать начнет, тогда у нас
Зацепка будет. Верно говорю?

Многие:

Так, верно.

Брызгалов:

Ты разумный, Матюшенко.
Да он уступит, Иванова взгреет.—
И будем мы служить как раньше.

Вакуленчук:

Дура!
Вот в этом то все дело: никогда
Он не уступит. Съест гнилье, да ложку
Оближет: вкусно. Тут то и сумеем
Поднять команду: что, мол за издевка!

Шопа:

Да, так вернее. Выйдет бунт,—никто
Не скажет нам, что с цепи мы сорвались.
Ну, а не выйдет, сдастся командир,—
Тут все-таки есть польза.

Зозуля:

Это, брат,
Миндальничанье.

Черных:

Верно.

Брызгалов:

Э,—да что там!
Тревогу просвистать сейчас, чтоб сразу
Винтовки разбирали. Ну? Идем?

Матюшенко:

Оставь, Брызгалов. Дело надо дружно
Решать, а не наскоком.

Брызгалов:

Что болтать?
Кто за меня стоит?

Лебедев:

А ну, посмотрим,
Кто дураки?

Брызгалов:

Дать зеркало?

Лебедев:

Молчи!
Не то ты в топку у меня нырнешь,
Смутьян безмозглый! Жизнь ведь ставим тут.
Тут, может, вся Россия повернуться
На нашем то винте должна. А ты—
Абы орать да гвалтом красоваться.

Матюшенко:

Довольно. Как, товарищи, решим?
Кто за мое?

(большинство подымает руки).

Так. Значит, так и будет.
А кто с начальством станет говорить?
Кому прикажете?

Шульга:

Жеребий бросить.

Вакуленчук:

Зачем жеребий? Я пойду.

Матюшенко:

Ты? Хочешь?
Ну, ладно, так тому и быть. Теперь
Поди, Шульга, да приведи сюда
Кого-нибудь подвахтенных.

(Шульга уходит).

А вы
Ступайте ка, ребята, по отсекам
Да быстро всей команде передайте,
На чем решили.

(Все, кроме Вакуленчука уходят).

Жертвуешь собой?

Вакуленчук:

Не жертвую,—а просто надо так.
Жеребий бросить,—вдруг тебе придется?
Останемся без головы. А если
Брызгалову? А если Щопе? Нет,
Из этого не стало проку б. Верно!

Матюшенко:

Эх, друг... А жаль, что нету офицера
Меж нас, ей богу, жаль. Мы что?—матросы.
Напутаем еще.

Вакуленчук:

Не говори.
Нет офицера... Что ж, народ ученый.
А только тут учения не надо.
Тут революция должна дышать
В груди и голове, и в каждом пальце.
Она подскажет все, что нужно. Верно!
Запомни это.

(Входят Шульга и несколько матросов).

Первый:

Звал, что ль, Матюшенко?

Матюшенко:

Вот дело в чем. Команда порешила
Претензию сегодня заявить.

Первый:

Слыхали. Дело доброе.

Матюшенко:

Ну, значит,
Претензию то слышать им невкусно.
Пожалуй и попробуют они
На нас храпеть. А мы—давно оглохли.
Давно от командирского храпенья
У нас в ушах мозоли. Так, пожалуй,
Они погромче захотят храпеть:
Не голосом,—винтовками. Смекаешь?
Вас высвищут. Ну и...

Первый:

Не бойся, друг.
Все понимаем: в голове не пакля.
Стрелять то, может, будем, да не в вас.

Матюшенко:

Матросское даете слово?

Первый:

Братцы,
Матросское то слово?

Многие:

Будь покоен.
Даем.
Не для того в матросах служим,
Чтобы в своих стрелять.

Матюшенко:

Ну, так, спасибо.
Матросское, товарищи, спасибо.

Первый:

Пойдем. Желаем, друг, успеха.

(Уходят).

Вакуленчук:

Эх!
А молодцы!

Шульга:

Сознательные парни.

(Раздается боцманский свисток).

Матюшенко:

Ну, вот, пора. Обнимемся, ребята.

Кто знает: может, и на смертЬ идем!

(Целуются).

Прости, Вакуленчук!

Вакуленчук:

Прощай, голуба!

Шульга:

Пора идти.

Матюшенко:

Идем!

Вакуленчук:

Идем!

(Уходят).

СЦЕНА ЧЕТВЕРТАЯ.

Кают-компания.

Офицеры, судовой священник.

Антонов:
Попробуем. Блистательные раки.
А красные!

Григорьев:
Точь-в-точь социалисты.

Антонов:
Но повкуснее. Хо-хо-хо! Пивка?

Григорьев:
Плесните.

Антонов:
Благолепие, ей богу.

Прохладно, вкусно. Что, отец Пармен,
Канашек не хватает?

Священник:

Перестаньте.
Что за срамные речи?

Антонов:

Грешен, грешен.

Семенов:

А вам легко живется.

Григорьев:

Не скажите:
И у него такое горе есть.

Семенов:

Какое же?

Григорьев:

Что индульгенций нету
В российской церкви. Вот ему и страшно
Геенны огненной и согрешить
Нельзя во всеуслышание.

Священник:

Стыдно!
Что вы такое говорите ныне?

Антонов:

Эх, батя, батя, не мешайте есть:
Сегодня не великий пост.

(Входит старший офицер).

Ст. офицер:
Сегодня
На корабле такое безобразье!

Петров:
А что?

Ст. офицер:
Да, понимаете, варят
Им борщ. Так все шестьсот матросов,—все,
Котел понюхали.

Антонов:
Так вкусно, разве?

Ст. офицер:
Не зубоскальте, мичман. Дело в том,
Что на говядине штук пять червей
Вчера заметили;—так вот: воняет!

Петров:
А, может быть, и в самом деле гниль?

Иванов:
Нет, быть не может. Мясо покупал
Я сам,—а я не слеп и не без носа.
И я вам удивляюсь, лейтенант.
Что вы всегда на стороне матросов...

Петров:
Я не всегда на стороне матросов.
Но думаю, что попусту дразнить
Людей не следует—в такое время.

Иванов:
В какое время?

Григорьев:
Это лейтенант
Семенов знает лучше всех. А ну ка,
Поведайте нам, лейтенант-философ,
В какое время мы живем?

Семенов:
Извольте.
Скажу. Я нечувствителен к насмешкам...
Так вот: когда мы гнали из Одессы
На катере и к Тендре подходили,—
Верст за десять «Потемкин» засиял нам,
И два прожектора, два узких, пыльных,
Лазоревых крыла взлетали в небо,
Обламываясь вдруг и упадая.
Почудилось мне: это божий дух
Витает над водою первозданной,
Уже тоскуя, что создал ее...

Священник:
«Тоскуя». Так о господе неловко.

Григорьев:
Он, батя, еретик... Ну, дальше, дальше.

Антонов:
Ах, бросьте: это портит аппетит.
«Тоскуя», «божий дух»,—к чему все это?

Ст. офицер:
Да, лейтенант, вы бравый офицер,
Да вот заумствовались что то слишком.

Семенов:
Ах, господа,—никто не понимает...
Ведь мы...

Ст. офицер:
Хотите пива?

Семенов:
Не хочу.

Антонов:
Живой моряк,—и не желает пива.
О, времена! Отец Пармен,—нельзя ли
Из лейтенанта выгнать этих бесов
Злотрезвенных?

(Входит баталер).

Баталер:
Позвольте доложить,
Что от борща команда отказалась.

Ст. офицер:
Что? Доктор ведь сказал, что мясо годно.
Ах, негодяи! Ну, сейчас приду.
Ступай. Я покажу им. Сговорились.

Антонов:
Ну, будет музыка. Отец Пармен,
Молебен о непротуханьи мяса...

Ст. офицер:
Нет,—как вам нравится? Да что же,—мне
Кормить их ананасами, мерзавцев?

Иванов:
Вы подтяните их.

Петров:
Зачем вы так?
Из пустяка ведь может буря выйти.

(Входит боцман).

Боцман:

Позвольте доложить, что там команда
Построилась и просит командира.

Ст. офицер:

Претензия? Ну, ладно, у меня
Вы потанцуете! Я покажу вам,
Я покажу!

Петров:

Позвольте вам сказать—
Я старый офицер—полегче вы
С командой обойдитесь. Право, страшно.
Вы помните, что было в ноябре?

Ст. офицер:

Благодарю вас за совет, спасибо.
Я знаю, как мне с ними говорить.
Ах, негодяи! Ну, теперь держитесь!
Построились и просят командира?
Я им такого командира дам!

(Выбегает).

Григорьев:

Вот взъерепенился.

Священник:

Не подобает
Вам, мичман, так о старших говорить.

Григорьев:

Ей богу к ракам ладан не идет,
Отец Пармен.

Иванов:

А я так, право, рад.

Петров:

Напрасно: ведь матросы накалились.

Иванов:

Матросы накалились,—говорите?
Тем лучше: легче их согнуть в дугу
Хорошим молотом.

(С палубы доносится исступленный крик старшего офицера).

Семенов:

Постойте.

Петров:

Тихо.

(Молчание. И снова крик его же).

Ст. офицер:

Закрыть его брезентом! Расстрелять!

(Все вскакивают. Выстрел. И в ответ раздается громовой яростный крик матросов: А-а-а-а-а! Сыплются выстрелы).

Офицеры:

Что там?
Мятеж!
Где командир?
Спасайтесь!
О, боже мой!
Я говорил!
Что делать?
К оружию!
Наверх!
Мятеж!
Мятеж!

(Антонов выбрасывается в иллюминатор. Из смежных кают выскакивают другие офицеры).

В чем дело?
Бунт?
Скорее к командиру!
Закройте дверь!
Достаньте револьверы!

(Распахивается дверь и вбегают вооруженные винтовками матросы. Среди них: Черных, Брызгалов и Зозуля. Некоторые врываются в смежные каюты).

Брызгалов:

Сдавайся, сволочь! Или всем конец!

(Срывает со стола скатерть, затем с размаху бьет прикладом священника).

Черных:

Где Иванов?

Зозуля:

Что разбирать? Всех бей!

Черных:

Где Иванов? Держись! А,—ты стрелять?

Иванов:

Убью!

(Стреляет).

Черных:

Промазал!

(Вырывает у него браунинг и выпускает все заряды ему в лицо).

Вот тебе, вот, вот,
Вот, вот, вот, вот,—все! Что, зверюка,—вкусно?

Семенов:

О, боже мой! Я чувствовал, я знал!

(Застреливается).

Петров:

Ребята, образумьтесь!

Брызгалов:
Кто ребята?
Ты нам отец? А ну,—долой погоны!

Петров:
Не ты мне дал!

Брызгалов:
А кто же? Царь? Лови!
(Стреляет в него. Матросы втаскивают командира).

Командир:
Товарищи! Что вы? Ведь я всегда
За вас стоял. Не убивайте! Братцы!

Матросы:
Скотина!
Жополиз!

Командир:
Спасите! Братцы,
Простите, пощадите!

Зозуля:
Бей его!

Матросы:
Тащи наверх лягавого!
Повесим
На грота-рее!
Как сигнал!
Что руки
Марать? Здесь расстрелять:
Ставь к стенке!

Командир:
Братцы!
(Его расстреливают. Вбегает Матюшенко и др.)

Матюшенко:

Довольно! Не свирепствуйте. Довольно.
Товарищи! Корабль у нас, в руках!
Мы победили! Революция!

Многие:

Ура!

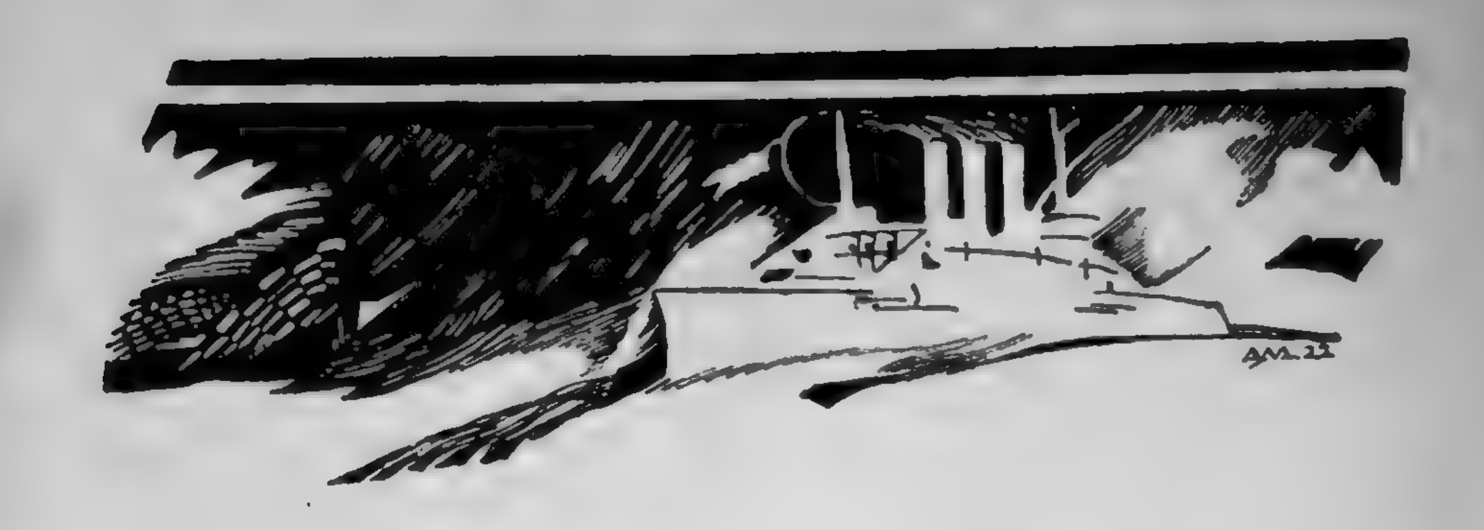
Матюшенко:

Да здравствует свобода! Этих—
Взять, запереть. А там решим, что с ними
Нам делать. Мертвецов вали за борт.
Сейчас собрание...
Убит за правду!..
Вакуленчук!..

(Рыдает).

Но отомщен как надо!

СЦЕНА ПЯТАЯ.

Новый мол в Одесской гавани.

Публика.

П е р в ы й:

Смотрите: вон какой то броненосец.
Ишь—прет! Так и отваливает воду
Направо и налево. Чисто плуг.

В т о р о й:

Позвольте ка бинокль... Ну, так и есть.
«Потемкин». Это, батенька,—корабль!
Он всей эскадры черноморской стоит
Один. Эх, не было его в Цусиме!

Т р е т и й:

Да это не «Потемкин».

В т о р о й:

Не «Потемкин»?
А три трубы?

Третий:

Что три трубы? Ведь «Память
Меркурия»—трехтрубный тоже.

Второй:

Да?
А башни для двенадцатидюймовых?
А корпус низкий? Это ж броненосец
Линейный, а не крейсер. Броненосцы ж—
«Мария», «Ростислав», «Георгий», «Три
Святителя»—все старого покроя.
Их разве только греческий священник
Не отличит от этого красавца.

Студент.

Откуда им все корабли известны?

Второй:

А вам?

Студент:

Мне неизвестны.

Второй:

Очень жаль-с.
Студенты только бунтовать умеют,
А на Россию им плевать.

Студент:

Россия!
При чем Россия тут?

Второй:

А как же-с? Вон,—
Вон вам Россия,—мощь ее и гордость.

Студент:

Мы эту гордость под Цусимой знаем,
Когда она вверх брюхом поплыла.
Не корабли,—калоши. Вы в карманы
Строителей взгляните: вот где мощь!

Второй:

Я не желаю с вами говорить.

Студент:

Пожалуйста.

Второй:

Отчаянье берет
Смотреть на молодое поколенье!

Первый:

Да, времена такие подошли...
Вчера—слыхали?—бомбою убили
Городового. Двадцать лет служил,
Свой юбилей справлял позавчера,
И только стал на пост всегдашний,—трах!
В клочки. За что?

Второй:

Бунтовщики!

Четвертый:

А что же?
Молчать нам? Покоряться? Вы взгляните:
По городу казаков распустили,
Ругаются, нагайками бушуют,
По тротуарам на конях гарцуют
Да конскими хвостами протирают
Витрины магазинов. Красота!

Второй:
И не того еще дождетесь.

Четвертый:
Верно.
И вы еще дождетесь не того!

Первый:
Вот. Входит. Ма-а-а-лый ход.

Третий:
Сейчас начнет
Салютовать.

Мол. чел.:
Вы, Катя, как начнется
Стрельба,—откройте рот.

Катя:
Зачем?—Дурак!

Мол. чел.:
Ей богу: так всегда артиллеристы,—
Чтоб перепонка барабанная...

Первый:
Глядите:
На мостике—матросы.

Второй:
Да,—вот странно!
И офицеров не видать.

Третий:
Да, да.
Что это значит?

Второй:

Гм. Впервые вижу.
Вы знаете: не по сердцу мне это.
Случилось что-нибудь на корабле?

Первый:

И флага нет андреевского.

Второй:

Значит. .
Смотрите: подымают красный флаг!
Так, значит, там—мятеж!

Первый:

Уйдем скорее.
Еще стрелять начнут.

(В публике движение. Часть поспешно удаляется; часть скопляется на краю мола).
(Появляются группы портовых рабочих. Публика быстро «демократизируется»)

Голоса:

Да, красный флаг.
«Потемкин» стал на сторону народа.
Вот так матросы!
Молодцы!
Теперь
Держись, командующий!
Это им
Не женщины!
Казаков не натравишь!
Ай, хорошо, ребята!
Да, уж если
И флот на нашей стороне,—тогда
Не сдобровать царю.
А ты полегче.

Чего полегче? Наша, брат, взяла.

(«Потемкин» спускает шлюпку. В нее сносят тело Вакуленчука, и шлюпка отваливает по направлению к молу).

Глядите: шлюпка.
Что туда кладут?
Большое что-то.
Динамит, должно быть.
Дурак!
Идут.
Глядите.
Не толкайся.
Да это человек!
Покойник!

(Шлюпка пристает к молу. Матросы выносят тело и сооружают над ним из брезента нечто вроде палатки. У тела становится караул).

Шульга (влезая на бочку):

Товарищи и граждане Одессы!
Здесь перед вами труп бойца, героя,—
Который заявить посмел начальству,
Что борщ гнилой ни к черту не годится.
Ему начальство рот заткнуло пулей.
Товарищи! Доколе же терпеть
Мы будем этакое беззаконье?
Доколе же над нами офицеры
И царь проклятый будут измываться,
Насильничать? Ужели же за нас
Народ не вступится и не поддержит?
По всей России кровь и слезы льются.
Вот в Питере рабочих расстреляли,
В Ростове—казни, а по деревням
Опричники-казаки ровно волки

Остервенелые полками рыщут,
Детей запарывают, девок портят...
Товарищи! Вас призываем мы
Восстание поднять, смести начальство,
Провозгласить республику народа.
У революции надежда есть!
У революции есть флот и пушки!
Долой же, братья, каторжный царизм,
И вечная борцам погибшим память.
Долой самодержавие!

Многие:

Долой!
Долой самодержавие!

(Толпа теснится к телу. Многие крестятся, плачут. Иные кладут к ногам трупа кольца, деньги).

Девушка:

Молоденький.

Вторая:

А храброе лицо.

Рабочий:

Погиб.

Второй:

За правду пострадал.

Третий:

Бедняга.

Девушка:

Постой,—нет, Нюра, подожди: за что?
За что его?

Рабочий:

Заголосили. Эх
Не плакать надо.

Второй:

Не такое время.

Третий:

А сам,—что плачешь?

Женщина:

Панихиду бы.

Матрос:

Над ним то? Над героем? Панихиду?
А всенародные то слезы разве
Не панихида?

Женщина:

Вон—солдатики.
Манчжурцы раненые.

Вторая:

Им, несчастным,
Теперь полегче будет: занялась.
Свобода.

(Подходят двое раненых в манчжурских папахах).

Первый:

Эх,—мы там, он здесь, болезный.

(Подходит офицер, смотрит и отходит).

Рабочий:

А честь?

Солдат:

Эй,—честь отдать!

Рабочий:

Не на балу!

(Офицер поспешно козыряет и скрывается).

Пьянчужка:

Из-за таких вот и погиб несчастный
Во цвете лет.

Девушка:

Как смеют убивать?

(Подходит дама в трауре, смотрит долго, потом опустошает кошелек, снимает серьги, кольца и кладет к ногам трупа. Гардемарину, сопровождающему ее).

Дама:

Гляди, Володя,
Запомни, милый, на пороге жизни.

Рабочий:

Эх, барыня, что ж раньше то, что ж раньше?

Старуха.

Родименький! Дай, ножки поцелую.
И у меня такой был... Взяли... Взяли...
Казнили... И могилку то потом
Не отыскала...Родненький, голубчик!..

Рабочий:

Вот я сказать хочу. Вот эти руки,
Иссохли на работе, силы нет.
А все ж пойду—старик—пойду сражаться!
Уж если молодые погибают,
Так нам и бог велел. Авось придется
Хоть грудью смелого борца прикрыть...
Эх, не было меня с тобой, товарищ!

Голоса:

Глядите: на бульваре! Поглядите!
Казаки. Рысью. Что такое?
Значит
По Ланжероновскому съедут в порт.
Расправа будет.

(Подбегает солдат).

Солдат:

Берегись, ребята!
Сейчас привалят! Все пьяны! А сотник
Грозится в море сбросить! Всех! Я дул
Наперерез!

Голоса:

Спасайтесь!
Поздно.
Через Военный спуск.
Там по дворам
Засады из городовых, — сам видел.
Что делать?
Будем защищаться.
Как?
Уйдем скорее.
Стыдно.
Эй, матросы,
Что ж, вы дадите всех избить? А что же
«Потемкин» ваш?
Что он молчит? Ужели
Он их пугнуть не может?
Что ж «Потемкин»?

Матрос:

«Потемкин» что? Глядите: вон «Потемкин»!

Голоса:

Ого, ого! Он боком стал! Глядите!
Наводит пушки!
Слышите, свистят
Тревогу боевую!
Поглядите:
Помчался ординарец из дворца.
Догнал. Остановилось казачье.
Назад поехали. Ура!
Струхнули!
Каханов хвост поджал!
Ай, молодцы!
Ай, броненосец, ай, «Потемкин»!
Славно!
Ура!
Ура!
С защитником таким
Сам чорт не страшен!

(Подходят посланные с.-д. организацией агитаторы: Кирилл и др.).

Кирилл (влезая на бочку):

Товарищи! Мы видели сейчас,
Что поворот революционных пушек
В холодный пот вгоняет генералов.
Товарищи! Уже близка победа!
Подымем гроб на трудовые плечи,
С ним, как со знаменем, пойдем вперед
На площади, пред памятники, всюду!
Пусть этот город, этот смрадный ад,
Где из дворцов грозятся нам кнуты,
Где кровь и пот по жолобам струятся,
Где у голодных вырывают корку,

Где наши сестры в Красном переулке
Свои объятья продают за рубль,—
Пусть этот город поглядит на нас,
Клокочущих революционным гневом,
Пусть поглядит на этот славный труп,
И пусть поймут там,—в банках, во дворцах,—
Что пробил грозный час, что месть близка!
Я не хочу одетым быть в пиджак!
Матросскую рубаху дайте мне,—
Мундир победоносного восстанья!

(Срывает с себя пиджак. Ему подают голландку).

С матросами, восставшими сольемся,
Солдат подымем, всколыхнем рабочих.
И океаном хлынем в старый мир
И смоем все насилье, все злодейство!
Вся власть в Одессе перейти должна
К восставшему народу! Так вперед же.
Во имя революции,—вперед!

(Толпа поднимает тело Вакуленчука, и с пением похоронного марша, осененная красным флагом, процессия двигается в город).

СЦЕНА ШЕСТАЯ.

Палуба броненосца.

Матросы.

Первый:

Вот и стоим. И толку никакого.

Второй:

Известно: море то—оно пустое,
А по суху не поплывешь.

Третий:

Да, братцы,
Затеяли мы бучу.

Первый:

Мы?—Не мы.
Затеял Матюшенко, да Шульга,

Да Лебедев... Поют: мятеж, свобода.
Вот и свобода. Офицеров—к чорту,
Вакуленчук с почетом погребен,
В порту пожар, грабеж, стрельба. И все.
А царь сидит попрежнему, солдаты
К нам не примкнули. И стоим, как бочка
На якоре,—на Вакуленчуке.
Пять лет так простоим? Для мертвеца?

Второй:
На мертвый якорь стали.

Третий:
Что ж нам делать?

Первый:
Не знаю. Постоим еще немного,
А там, пожалуй, и сдаваться надо.

Третий:
Ты спятил?

Первый:
Ничего не спятил. Что же
Ты думаешь? Они дадут нам плавать?
Пошлют эскадру, все порты закроют,
И, затравив нас голодом, в неделю
Возьмут или на дно отправят. Если ж
Теперь сдадимся,—будет снисхожденье.
Ну, главарей, конечно расстреляют.
А нас... да что, расформируют только.
Дослужим—и в деревню.

Третий:
Это верно.

Четвертый:

Вот, слушаю. И сволочь же вы все.
Товарищей отправить под расстрел?

Второй:

Зачем расстрел? Мы на берег их спустим,
Снабдим монетой, паспорта добудем,—
Текайте, братцы.

Третий:

Это тоже верно.

(Подходит Щ о п а).

Щопа:

О чем бурлите?

Первый:

Ты, вот, в комитете.
О чем вы думаете?

Щопа:

Эх,—у нас
Такая свара... Этот вольный...

Первый:

Кто?

Щопа:

Да тот, что прислан от эсеров, Павел...
Ты знаешь, кто он? Мать его была
Тяжелою осуждена на смерть.
Ну, ждать велели до родов. Полгода.
Родился мальчик. Казнь то отменили.
А мать сошла с ума. Вот этот мальчик
И есть наш Павел. Злобы в нем—по горло.
Так он все требует, чтобы Одессу

Нам обстрелять, а там идти в другие
Порты—обстреливать их. За него
Стоят Брызгалов и Зозуля.

Первый:
Так.
А Матюшенко?

Щопа:
Матюшенко сдрейфил.
И так, и этак. Не поймешь его.
То хочет ждать, пока солдаты к нам
Не присоединятся, да повсюду
Восстанье не начнется, то молчит,
То Вакуленчука вдруг поминает
Да хнычет.

Первый:
Ну, а ты?

Щопа:
Что я?
Я говорю: сдаваться надо.

Первый:
Вот.
Я то же говорю.

Щопа:
Да что же делать?
В порту—погром. Ишь как горит... Вся шваль
Пакгаузная вылезла наружу
И грабит. Это—революция?
Нет, попусту затеяли все дело,
Не во время.

Первый:

Так надо не зевать.
Давайте вызовем к нам комитет,—
Ведь многие восстанвем недовольны,—
Да и заявим, что сдаемся все.

Второй:

А верно, братцы: комитет то выбран,
Так должен слушаться.

Щопа:

Что, дудка есть?
Свисти ка всех наверх.

(Первый свистит «всех наверх». Сходятся матросы).

Голоса:

В чем дело, братцы?
Зачем свистали?

Щопа:

Дело в том, ребята,
Что надо нам кончать волынку эту.
Здесь стоя, мы не победим врага,
Дождемся только, что придет эскадра
Да нас потопит. А идти куда?
В Батум? В Сухум? Там тоже постоим.
А по морю кататься нам негоже:
У нас не яхта. Вот и говорю:
Товарищей, кто более замешан,
Мы сплавим как нибудь,—пускай бегут,—
А сами—в Севастополь и сдадимся.
Небось,—помилуют.

Голоса:

А комитет?
Что комитет решил?

Щопа:

Да в комитете
Не высидеть нам толку.

Голоса:

Значит, ты
По своеволью?
Это ничего.
Он дело говорит,
А Матюшенко?
Где Матюшенко?
Вон—идет.

(Подходят: Матюшенко, Шульга, Лебедев, Брызгалов, Черных и др.).

Матюшенко:

Что, братцы?
Зачем тревога?

Щопа:

Нам сдаваться надо.
Здесь стоя, мы...

Матюшенко:

Да слышал сотню раз...
Товарищи! Мы подняли восстанье.
Вакуленчук своею кровью нам
Окрасил флаг. Так неужели вы
В четыре дня свой вытряхнули порох
И как мешок болтаетесь пустой?
Стоим. Ну что ж? Нам надо подождать.

Россия велика. Не сразу будет
Во всех углах пожар. Но будет, будет.
А если мы теперь опустим флаг,
Так вся Россия замолчит на годы.
Мятеж—он заразителен. А трусость
Раз в двадцать заразительней. Нам нужно
Терпение.

Брызгалов:

Ты точно Куропаткин.

Матюшенко:

Брызгалов,—ты?
Зачем ребят сбиваешь?
Сам говорил...

Брызгалов:

И говорю: нам надо
Хватить как следует из наших пушек
По городу, а там хоть и сдаваться.

Шульга:

Вы так всегда, горластые, всегда.
На взрыв вас хватит,—ну, а дальше—стой.
Где надо поработать, потерпеть,—
Там гайка отвинтилась.

Голоса:

Чего болтать?
Сдаемся.
Не хотим.

Черных:

И верно. Отомстили за себя.

Рванули офицеров за погоны,—
И баста. Мы...

Сигнальщик (с мостика):
Эскадра показалась.
Курс держит на Одессу.

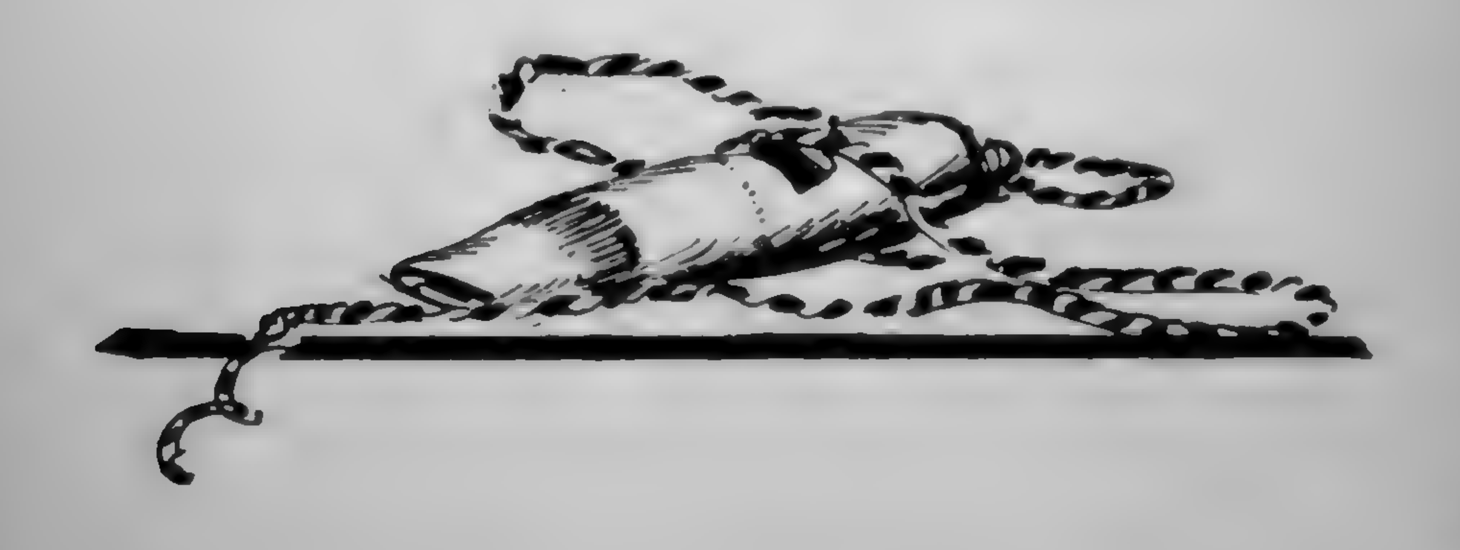
Голоса:
Так и есть.
Каюк. Пришли.
Ну, будет потасовка.
Сдаваться. Белый флаг.

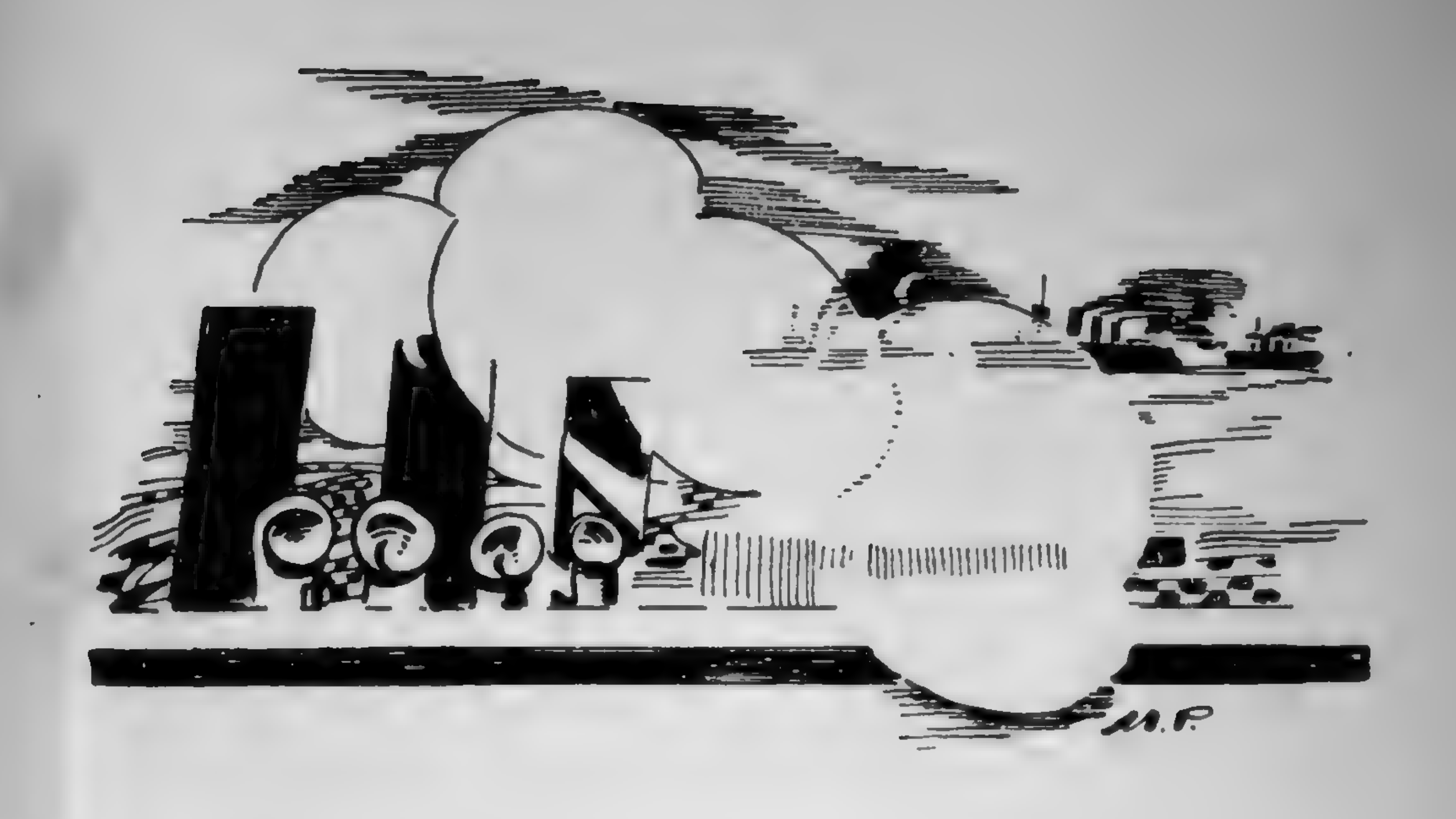
Матюшенко:
Все по местам.
Не время спорить.

Павел:
Мы взорвем на воздух
«Потемкина».

Матюшенко:
Все по местам. Свистать
Тревогу. Кто посмеет не послушать
Приказа,—застрелю того на месте.
За мною, в рубку.

(В сопровождении Лебедева и Шульги подымается в боевую рубку).

СЦЕНА СЕДЬМАЯ.

Боевая рубка.

Входят: Матюшенко, Шульга, Лебедев и др.

Матюшенко:

Бинокль... Идут...

(В переговорную трубку):

Машина, как пары?
Быть наготове... Головной «Георгий».
Флаг адмирала Кригера... Шульга,
Там, в башнях, комендоры на местах?

Шульга:

В порядке все.

Матюшенко:

О,—флаги. Эй, сигнальщик,
Что говорят?

Сигнальщик:

«Красавцы-черноморцы,
Что делаете? Сдайтесь, покоритесь».

Матюшенко:

Спроси: «кому»?
Что говорят?

Сигнальщик:

«Его
Величеству, царю и государю».

Матюшенко:

Ответь: «такой нам неизвестен».

Сигнальщик:

Есть.

Матюшенко:

Что говорят?

Сигнальщик:

«Пеняйте на себя».

Лебедев:

Что делать, Матюшенко?

Матюшенко:

Вот, посмотрим.
Пусть подойдут.

(Входит матрос).

Матрос:

Там мичман Волошкевич.
Он спрашивает, можно ли ему
В бою участвовать?

Матюшенко:

Что ж,—пусть придет.

(Матрос уходит).

Идут... Сигналы... Так: меняют строй,
Дугою развернулись.

(Вбегает Зозуля).

Зозуля:

Матюшенко,
Ты что,—с ума сошел? Что мы стоим?
Идут ведь, будут крыть.

Матюшенко:

Эй, не мешай.

Зозуля:

Что не мешай?

Матюшенко:

Молчи, Зозуля.

Зозуля:

Что?
Ты не ори тут: не затем избрали.
Сигнальщик, подыми сигнал, что будем
По городу стрелять, коль подойдут.

Матюшенко:

Не сметь! Здесь я командую.

Зозуля:

Сигнальщик!

Матюшенко:

Эй, Лебедев,—арестовать его.

(Лебедев с двумя матросами подходит к Зозуле).

Лебедев:

Идем.

(Входит мичман Волошкевич).

Зозуля:

Постой.

Волошкевич:

Товарищ Матюшенко,
Я с вами—в благодарность за пощаду.
Быть может, вы позволите вам дать
Совет?

Матюшенко:

Ну?

Волошкевич:

Надо уходить. У нас
Машины и орудия сильнее.
Мы не подпустим их и будем крыть
Из кормовых.

Шульга:

Что ж,—верно.

Матюшенко:

Подождем.

Шульга (тихо):

Смотри: не ошибиться бы: он знает.

Матюшенко:

Тревогу. К бою. красный флаг поднять.
В машине: малый ход. Право руля.
Сигнальщик, подыми: «Потемкин» твердо
Надеется на братьев-моряков».

Сигнальщик:

Есть.

Матюшенко:

Прямо руль. В машине: стопоры.

Зозуля:

Что? Стал? Ребята,—он изменник.

Матюшенко:

Слушай:
Еще хоть слово—пуля в лоб.

Матрос:

Идут.

Волошкевич:

Не медлите. Что делаете вы?
Ведь каждая минута дорога!
Потом вы не прорветесь! Вы безумец!

Матюшенко:

Эй, не мешать! В машине: полный ход.

Волошкевич:

С ума сошел. Идем на них! В разрез!
Они же с двух сторон... О боже!

Матюшенко:

Тихо!

(Долгое молчание).

Лебедев:

Ребята, поглядите, поглядите:
Они остановились. Поглядите.

Сигнальщик:

«Георгий» поднял красный флаг! Ура!

Волошкевич:

Они уходят!

Многие:

Струсили.
Бегут.

Зозуля:

Ай, Матюшенко, ай да командир!
Крыть их вдогонку!

Многие:

Победили, братцы!
Восстал «Георгий»!
Молодцы!
Ура!
Матросики не выдали!

Матюшенко:

Оркестр!

(Шульга выбегает).

Шульга (на палубе):

Оркестр! Жарь марсельезу!

Голоса:

Победили!
Да здравствует восстание!
Ура!

Лебедев:

Ну, Матюшенко, ну, матрос: спасибо!
Знал как пронять товарищей. Спасибо!

Матюшенко:

Не мне спасибо: Вакуленчуку:
Он научил. В машине: стоп. Теперь
Пойдет не то. Скорее на «Георгий».

СЦЕНА ВОСЬМАЯ.

Капитанский мостик.

Матюшенко.

(Входит Шульга.)

Шульга:

Неладно, Матюшенко.

Матюшенко:

Знаю сам.
Такого маху дали. Офицеров
Оставить на свободе. Только сутки
Пройти успели,—вся разложена
Команда. Не придумаю, что делать.

Шульга:

Да, плохо. По началу—как пошло.

Ликуют все. Уныние—к чертям.
А нынче песня старая. Эх, плохо.

Матюшенко:
Пожалуй, надо уходить отсюда.

Шульга:
Куда ж итти?

Матюшенко:
А к берегам Кавказа
Народ там не такой: не позабыли
Бывалой воли.

Шульга:
Там рабочих мало.

Матюшенко:
А гнету много. Там то и начнется:
Там не успели отупеть. Увидим,
Как поцелуются два мятежа:
Народный с трудовым. Да,—на Кавказ.
Устроим заседание?

Шульга:
Устроим.
Эй, Ключ, скричи ка ты сюда Зозулю,
Брызгалова и прочих комитетских.

Ключ (с палубы):
Есть.

Шульга:
А угля у нас довольно?

Матюшенко:
Хватит

До Феодосии, а там в порту
Добудем.

Шульга:

А дадут?

Матюшенко:

Пугнем,—дадут.

(Входят Лебедев, Зозуля, Шопа, Брызгалов, Черных и др.).

Лебедев:

Звал, Матюшенко?

Матюшенко:

Заседанье надо.
Товарищи, хочу вам предложить
Вести корабль в Батум. Стоять довольно.

Шопа:

Я говорил давно... Но что в Батуме
Мы будем делать?

Матюшенко:

Постоим и там.
Мингрельцы да грузины нас поддержат.
А мы поддержим их. Там и начнется
Восстанье поголовное. А если
Зажжется Побережье, то в Баку
Такое будет, а потом в Ростове.
А там, глядишь, цусимцы воротятся
Из плена в Питер.

Брызгалов:

Хорошо придумал.

Лебедев:

«Георгий» с нами, или здесь оставим?

Матюшенко:

С «Георгием», товарищи, неладно.
Там ночью офицеры постарались,
С командою поговорили нежно,—
Она и обнежнела. Но посмотрим.
Здесь оставлять его нельзя, конечно.
Ну что,—согласны?

Зозуля:

Что ж,—согласны. Только
Ужели мы уйдем отсюда так,—
Без выстрела? Каханова оставим
Торжествовать?

Лебедев:

Эк,—неуемный ты.
Поворотись, нагнись да постреляй,
Коль хочешь трескотни.

Зозуля:

Дурак ты, брат.
Молчат, орудия,—досадно, право:
Хорошие ведь языки у них.
Поговорили бы немного.

Матюшенко:

Брось.
По ком стрелять? Невинных как положим,
Так нас же проклянут. Ты, Павел? Что?

(Вбегает Павел).

Павел:

Ну, брат! Ну, брат! Не видывал такого.
Насело на меня офицерье:
Нет мочи: заклевали!

Шульга:
А матросы?

Павел:
Матросы—что. Матросы хвост поджали.
Отечество припомнили, царя.
Ух,—так бы и пустил корабль ко дну!

Матюшенко:
Да что их там—в сиропе разварили?
Что ж те, кто выкинули красный флаг?

Павел:
Раскаялись. Слезой их проняло.

Черных:
А что, коль нам поехать на «Георгий»
Да офицерам привязать к ногам
Колосники—и в воду?

Лебедев:
Это можно.
Да лучше говорить добром.

Матюшенко:
Сигнальщик,
Приказ «Георгию» итти за нами.
Идем в Батум.

Сигнальщик:
Есть.

Матюшенко:
Что ж отвечают?

Сигнальщик:
«Мы остаемся здесь: мы здесь нужнее».

Матюшенко:

Скажи: «во имя революции
Приказываем подчиниться».

Сигнальщик:

Есть.

Матюшенко:

Что говорят?

Сигнальщик:

«Идем».

Матюшенко:

Ну, молодцы.
Одумались. В машине: как пары?
Готовы? Якорь подымать. В машине:
Вперед. «Георгий» двинулся?

Лебедев:

Идет.

Матюшенко:

Ну, так. Плывем. Эх,—камень с сердца спал.

Шульга:

Дай бог успеха.

Лебедев:

И без бога будет.

(Кричит с мостика):

Товарищи, идем в Батум,—поднять
Восстанье на Кавказе.

Голоса:

И подымем.
Ура!

Матюшенко:

Постой. Куда же он идет?

Шульга:

Кто?

Матюшенко:

Да «Георгий»? Что такое? Стой:
Да он взял курс на гавань! Он сейчас
За волнорез уйдет. Ну—так и есть.
Предатели!

Голоса:

«Георгий» изменил!
Он с нами не идет!
Он стал на якорь!
За молом спрятался!
Открыть огонь!

Брызгалов:

Палить по нем.

Щопа:

Да не достать.

Павел:

Палить!
По нем, по городу. Эй, Матюшенко.

Матюшенко:

Предатели! Ну, так мы не уйдем.
Эй, башня кормовая. Комендоры.
По городу—открыть огонь.

(Орудийный выстрел).

Еще.

(Выстрелы).

Еще, еще.

Щопа:

Уймись, довольно, будет.

Матюшенко:

Матросы, и матросам изменили.
Огонь!

Лебедев:

Довольно, брат, нехорошо.

Матюшенко:

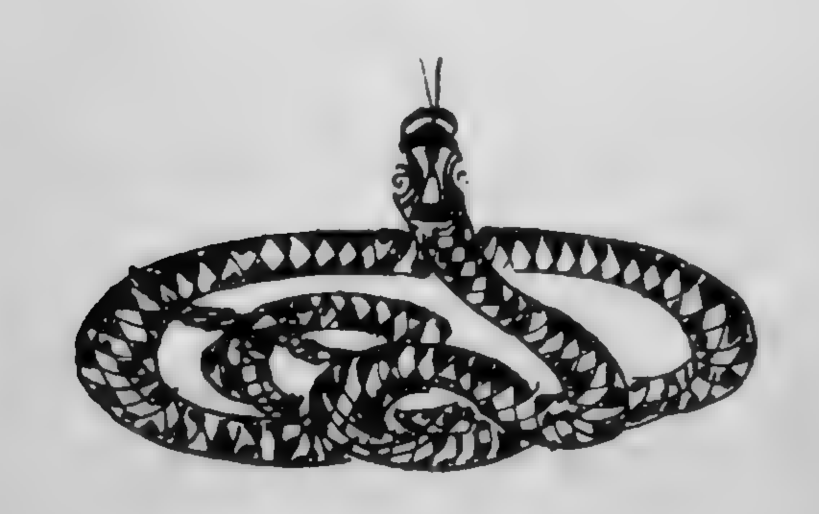
Все к черту. Полный ход. В Батум, в Батум.
Мы там покажем.

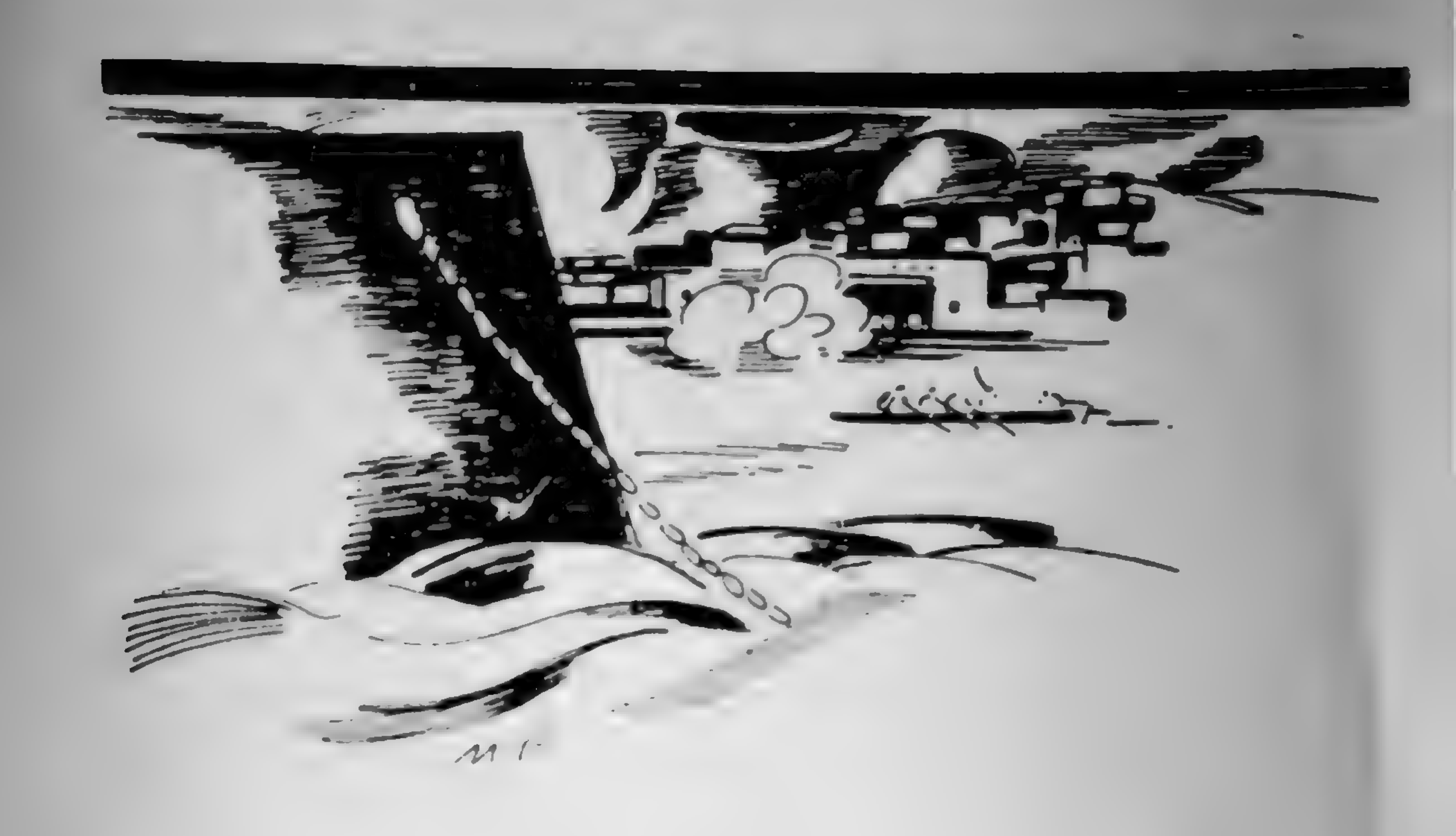
Щопа:

Эх, там то же будет.
Сдаваться надо.

Матюшенко:

Моряки! Позор!
Ох,—не видать бы, не слыхать, уйти!..

СЦЕНА ДЕВЯТАЯ.

Феодосийский рейд.

Капитанский мостик.

Щопа и Шульга.

Щопа:

Как будто начали грузить.

Шульга:

Ну, добре.
Признаться, я не ожидал такой
Любезности от думы.

Щопа:

Что ж,—пришли.
Оделись флагами, честь честью,—просим

Продать провизии. Ну, видят: мирно.
А сплавить поскорей не плохо тоже.
Вот и дают.

Шульга:

Напрасно Матюшенко
На берег съехал... Дай ка, брат, бинокль...
Вот странно...

Щопа:

Что?

Шульга:

А ну ка посмотри.
Правей, правей, вон,—видишь эту гору?
Шоссе внизу.

Щопа:

Да, толпами идут.
Повозки следом с кладью. Что такое?

Шульга:

Ты знаешь что? Ведь жители уходят
Из города. А почему? Боятся
Обстрела.

Щопа:

Мы, ведь, мирно.

Шульга:

Значит, будет
Такое что-нибудь, на что ответим
Из пушек. Нам предательство готовят.
Скорей гудок. Сигнальщик, отмахай,

Чтоб катер возвращался, бросил все.
Скорее... Так и есть. О, негодяи!

(Доносится трескотня винтовок).

Там за пакгаузами взвод солдат.
Из-за угла обстреливают катер.
Ах, что они копаются? Эй, в башне.
Дать выстрел в воздух.

(Орудийный выстрел. С берега отвечают).

Вы хотите драться?
А,—крой по городу! Огонь! Еще.

(Выстрелы).

Ну, обрубили, отвалили... Глянь:
Наперерез им пограничный катер.
Из гочкиса стреляют. Эй, валяй
По нем из мелких. Закрутился, сволочь?
Еще, еще. Я покажу вам! Так!
А ну,—двенадцатидюймовым дай.

(К борту подходит катер. Подымаются: Матюшенко и др.; много раненых; вносят тело Лебедева).

Матюшенко:

И здесь предательство. Везде враги.
Вот,—Лебедева уложили. Что же
Теперь нам делать? Братцы, что нам делать?
Везде преследуют. Поддержки нет.
Солдаты, как лягавые, на нас
Бросаются.

Голоса:

Сдаваться надо.
К черту.
Кому сдаваться?
Все равно пропало.

Идем в Батум.
В Батум? Опять под пули?
Взорвемся.
Разгромим весь город.
Что же?
Погибла революция?
Погибла.
В Румынию.
В Румынию идем.
В Констанцу.
Там сдадимся.
Нет поддержки.

Матюшенко:
Товарищи, идем в Батум.

Голоса:
Долой!
Довольно слушали.
К чертям Батум!
В Румынию.
Сдаваться.
Матюшенку—
Долой!
Пусть будет Шопа командиром.
Да, Шопа.
Шопа!
Все пропало.

Матюшенко.
Братцы,
Не все пропало.

Голоса:

Не желаем слушать.
Долой!
Завел нас!
Щопу командиром!

Матюшенко:

Командуй, Щопа... Больше не могу.

(Сходит с мостика).

Щопа:

В машине: полный ход. Лево руля.
Курс на Румынию.

Голоса:

Конец.
Конец.

Брызгалов:

А все-таки, еще разок хватить.

Щопа:

Довольно баловались, отдохнем.
В Румынию.

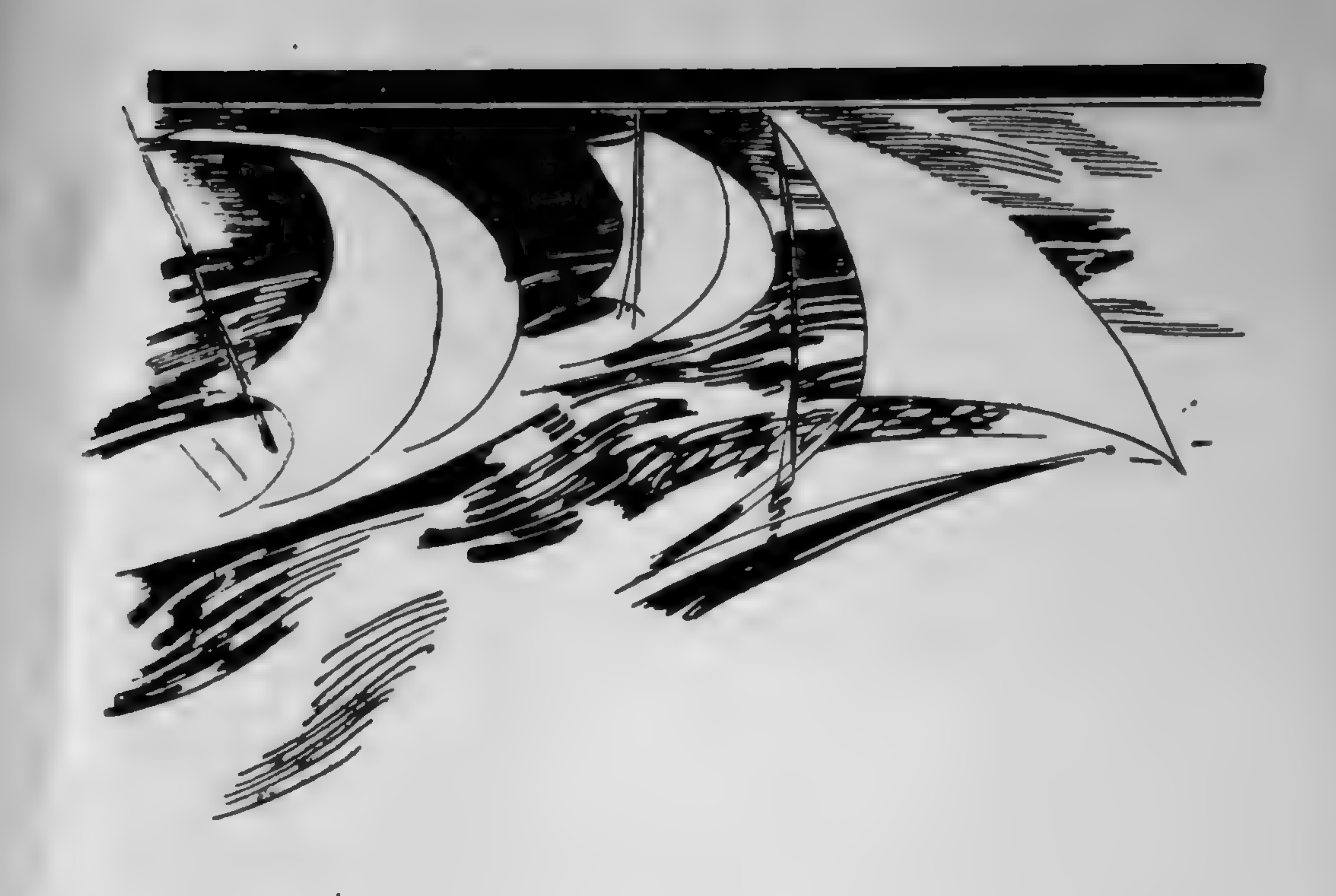
Голоса:

В Румынию.
Ура!

Шульга:

Обрадовались. Эх,—могильщики.

СЦЕНА ДЕСЯТАЯ.

Набережная в Констанце.

Матюшенко и Шульга.

Шульга:
Куда идешь ты?

Матюшенко:
Никуда, отстань.

Шульга:
Ой, Матюшенко,—что задумал?

Матюшенко:
Море
Хочу поджечь.

Шульга:
Да не шути ты, идол.

Матюшенко:
Иди к себе в гостиницу. Дай мне
Побыть немного одному. Довольно!
Двенадцать дней я на спине таскал
Весь броненосец. Отдохнуть хочу.
Так не мешай, будь другом.

Шульга:
Воротись.
Пойдем к товарищам.

Матюшенко:
Таких не знаю.

Шульга:
Стыд говорить такое.

Матюшенко:
Нет, не стыд.
Товарищи по девкам разбрелись,
От мятежа на брюхе отдыхают
На бабьем. Не хочу. Отвратно мне.
Оставь. Не бойся. Ничего не будет.
Приду потом. Уйди, Шульга.

Шульга:
Ну, ладно.
А только... знаешь... дай ка револьвер.
Тебе не нужен он сейчас.

Матюшенко:
Боишься?

Не бойся, брат, не застрелюсь... Ну—на.
Возьми, пожалуй, и ступай.

Шульга:

Иду.
Я буду в номерах. Пока прощай.

Матюшенко:

Прощай, спасибо...

(Шульга уходит. Матюшенко садится на набережной и смотрит вдаль, где сквозь мрак маячат огни „Потемкина").

Эх, стоит, сердечный,
Железным гробом. Стал солдат румынский
С винтовкой оржавлою—на страже
Над смертным ложем революции..
Надорвались. Не выдержали груза...
Вакуленчук! Что, кровь твоя—цемент?
Спаять нас думал? Не спаяешь нас,
Пока в России каждая семья
Из четырех трем сыновьям своим
В винтовочные раны не заглянет...
Эх, ветер, ветер... И откуда мчишься?
Родился на Кавказе, на горах,
Поплавал наверху, спустился к морю,
Лесные шумы отряхнул в прибой
И вольный, чистый, побежал по волнам.
Миль двести нес ты терпкий запах кедра,
Ожины сладкий дух,—потом остыл
И, бегло всколебав морские недра,
Себя морским дыханьем напоил.
И вот несешь прохладный запах соли
И фосфора широкую струю,

Дыханием ширококрылой воли
Овеивая грудь мою.
Но холодом в меня ложится влажным
Твой легкий, твой летучий вздох.—
Где на моей рубахе не просох
Пивной плевок, привет руки отважной.
Пивная кружка грянула в меня,
Мой охлаждая пыл и кровь смывая,
В которой я повинен... Ветер, ветер,
Тысячу миль ты пролетел над морем,
Чтоб лютое напомнить оскорбленье...
Дождался, вот... Россия, эх, Россия.
Болезная, что сделали с тобой?
Поленом по хребту тебя хватили,
Сломали ноги, руки перебили
И ноздри вырвали: дыши вольней.
Со впущенной меж ребер царской шпорой
Ты поднялась, «Потемкиным» рванулась,
Двенадцать дней держалась,—и легла.
И вот, стою, гляжу—народный вождь!
Народный вождь, в отставке, без мундира,
С пивной звездою на груди. Эх, горе!
Подымешься ли? Нет... А, впрочем,—будет!
Подымешься, подымешься, родная.
Один я был. А будут миллионы.
Не пожалеем спин и рук,—подымем...
Эх, ветер, ветер! Пролети, пропой
По всей земле о нашей неудаче,
О Вакуленчуке с его душой
Матросскою, пропой о нашем плаче.
И, надувая в море паруса,

В них нашепчи о наших днях мятежных.—
Пусть моряки внимают голоса
Грядущих бурь, как солнце неизбежных.
Пусть слышат все, что мы придем, придем...
Эх, размечтался я... Неладно к ночи...
А все-таки: мы пали,—мы живем!
Мы победим: матрос, мужик, рабочий!

ОТ АВТОРА.

Броненосец «Потемкин» лишь в малой мере может претендовать на название исторической хроники: в поэме выдержана только общая последовательность событий и то с большими опущениями и упрощениями (не упоминается о миноносце № 271, сопутствовавшем «Потемкину», о первом приходе в Констанцу, о взятии «Вехи» и пр.): исторических имен только два: Матюшенко и Вакуленчук; немало деталей вымышлено или относится к иным моментам первой, а иногда и Великой революции. Для автора потемкинская эпопея была как бы прообразом всего движения 1905 г. с его экономическими и психологическими предпосылками, и писательская заинтересованность автора устремлялась к живым людям, брошенным в революционный котел. Сложная амальгама индивидуального сознания и классового инстинкта; меха событий, раздувающие обыденную—в будни—личность в личность огромную; пересечение личных озлоблений и пристрастий с «операционными линиями» общественной, внеиндивидуальной борьбы—вот основа поэмы, смутно зыбившаяся в авторском замысле задолго до того, как автором был отыскан достаточно концентрированный цикл исторических фактов, в котором основа эта могла уместиться и, уместившись,

облекшись мышцами, самому автору стать явной и отчетливо обрисованной.

История материализуется в людях; события заставляют их двигаться и говорить. Этим, с полной почти необходимостью, предуказуется форма именно драматической поэмы, позволяющая, не стесняясь театральными нормами, не отвлекаясь живописанием внешней обстановки, сосредоточить внимание на основном. Стих поэмы, конечно, должен быть «традиционным»: белым пятистопным ямбом,—и не из-за традиционности как таковой, но в силу того, что названный метр по словоемкости своей ближе всех прочих подходит к слогоударным константам русского языка, а его пятистопность, ритменная полномерность дает возможность обойтись без красозвучия. Следует упомянуть, что в этом метре автор допускает долгие хориямбы и в мужских стихах пиррихизирование последней стопы.

Г. Ш.

Москва.
24 декабря, 1922 г.

ТОГО ЖЕ АВТОРА:

Стихи:

Гонг, Т. I-й. Два изд.

Раковина (1918 г.).

Еврейские поэмы. Два изд.

Изразец.

Раковина. Т. II-й.

Драматические поэмы. Т. I-й. (Печат.).

Исследования:

Два «Памятника».

Трактат о русском стихе. Ч. I-я. Органическая метрика. Сокращ. изд.

Трактат о русском стихе. Ч. I-я. Органическая метрика. Полное изд.

Переводы:

Эредиа. Избранные сонеты.

Верхарн. Полное собрание поэм. Книги I—XVI.

ГОТОВЯТСЯ К ПЕЧАТИ:

Адоратский В. Научный социализм.
Бебель А. Будущее общество.
Корш. Сущность материалист понимания истории.
Лафарг П. Экономическ. детерминизм Маркса.
Люксембург Коалиционная политика и классов. борьба.
Маркс К. Заработная плата, цена и прибыль.
" Критика Готской программы.
Плеханов Г. В Амстердаме (статьи из „Искры").
Поль В. Коммунизм и общество.
Постгейт. Рабочий Интернационал.
Топорков. Гегель и материализм.

ПО АНТИРЕЛИГИОЗНОЙ СЕРИИ.

ВЫШЛИ ИЗ ПЕЧАТИ:

Браун В Христианство и коммунизм.
Обрезание, его социальное и религиозное значение - по Лафаргу.
Сказание об Адаме и Еве — по Лафаргу.
Сказание о непорочном зачатии — по Лафаргу.
Степанов И. Мысли о религии. 1 и 2 изд.
" О правой и неправой вере, об ист. и ложных богах.
" О таинстве святого причащения.
Ческис. Людвиг Фейербах.
Ярославский Е. Как родятся боги.

НАХОДЯТСЯ В ПЕЧАТИ:

Даенсон. О боге и чорте. Памфлет.
Древс Миф о Христе. Том I-й.
Комсомольское Рождество (сборник).

ГОТОВЯТСЯ К ПЕЧАТИ:

Бебель А. Христианство и социализм.
Фрумкина. Антирелигиозная пропаганда среди еврейских масс.

ПО СЕРИИ — КАПИТАЛИСТИЧЕСКИЙ МИР ПОСЛЕ ВОЙНЫ.

ВЫШЛИ ИЗ ПЕЧАТИ:

Арслан. Современная Турция. Перевод с турецкого.
Варга Е. Закат капитализма.
Иоффе А Генуэзская конференция.
Иорданов. Балканы после войны.
Лозовский А. Анархо-синдикализм и коммунизм.
Майский Сов. Россия и капиталист. мир (Гаагская конференция).
Павлович М. Сов. Россия и империалист. Япония.
Раковский. Накануне Генуи.
Фостер В Волны рабоч. рев. в Германии, Англии, Франции и Италии 1918—1921.
Шлихтер. Наша соседка Финляндия

ГОТОВЯТСЯ К ПЕЧАТИ:

Бронский. 2½ Интернационал.
Горкин. Современная Италия
Граше. " Чехо-Словакия.
Кан Г Крушение капитализма.
Майский. Современная Германия.
Мархлевский. " Польша.
Новомирский. О фашизме.
Нюренберг. Мировая война, ее причины и следствия.

Ротштейн. Современная Англия.
Смолянский. Под мечом капитала. Проблема мировой безработицы и заработной платы.

ПО СЕРИИ ИСТОРИЧЕСКОЙ.

ВЫШЛИ ИЗ ПЕЧАТИ:

Алексеев-Небутев Из воспоминаний лев. с.-р. Подпольн. раб. на Украине.
Волин. Декреты Октября.
За пять лет 1917—1922. Сборник ЦК РКП.
Луначарский А. За пять лет.
Майский. Внешняя политика РСФСР. 1917—1922.
Октябрь на Пресне. Воспоминания.
Октябрьские дни в Сокольниках. Воспоминания.
Соловейчик Басмачество в Бухаре.
Яковлев. Об историч. смысле русской революции.

ЭВОЛЮЦИЯ КЛАССОВ В РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ.

Сборник статей **Осинского, Ларина, Хрящевой**.

ГОТОВЯТСЯ К ПЕЧАТИ:

Викторов. Буржуазия в 1905 г.
" Лена.
" Феодализм в древней Руси
" Идеолог самодержавия — Иван Пересветов.
Кривцов С. Революция 48 года.
" Литер. отражения революции 48 года.
" Указат. литературы по ист. рев. 48 года.
Мстиславский. Народовольцы.
Пионтковский. Девятое января.
" Февральские дни 1917 года.
" Октябрьская революция.
" Хрестоматия по истории окт. рев.
Рид Джон Десять дней, которые потрясли мир.
Фридлянд. Хрестоматия по ист. рев. движ. на Западе.
Шестаков. Крестьянство и крестьянские движения.

ПО СЕРИИ БИОГРАФИЧЕСКОЙ.

ВЫШЛА ИЗ ПЕЧАТИ:

Вернер. Евгений Левинэ и Баварская Сов. Республика.

ГОТОВЯТСЯ К ПЕЧАТИ:

Горев Б Первый русский марксист Г. В. Плеханов.
Новицкий. Платон.
" Т. Моор и Кампанелла. С. Симон, Фурье, Бабеф.
Луи Поль. Французские утописты: Луи Блан, Видаль, Неккер и Кабэ.

ПЕРИОДИЧЕСКИЕ ИЗДАНИЯ.

ЖУРНАЛЫ: **„Вестник Искусств“, №№ 1—5.**
„Бюллетень книги“, №№ 1—6.
„Долой неграмотность“, №№ 1—33.
„Коммунистическое Просвещение“, №№ 1—7.
ГАЗЕТА „Безбожник“, — еженедельное издание.